

но, станет базой для углубленного изучения самых разных вопросов карпатского языкознания. В пределах отведенного нам объема мы лишены возможности сколько-нибудь подробно осветить значение ОҚДА в современной науке. Мы попытаемся лишь очень кратко на отдельных примерах показать, в каких направлениях могут быть использованы материалы ОҚДА для решения двух качественно различных проблем: проблем синхронно-типологического характера и проблемы лингвогенеза карпато-балканской межъязыковой общности.

1. Материалы ОҚДА содержат данные для восстановления ранней истории славян и воссоздания этнической карты Балкан и сопредельной территории. Один из существенных аспектов языкового взаимодействия связан с выявлением следов славянских заимствований в раннем слое заимствований венгерского, румынского языков и восстановлением на этой основе древней территории, занимаемой славянами до балканской колонизации. Этимологический анализ дает материал для восстановления элементов утраченных языков, следовательно, той субстратной основы, которая была поглощена славянскими и неславянскими языками. Исследования последних лет вносят коррективы в понимание этих процессов. С учетом новых этимологических знаний многие слова, традиционно относимые к субстратному слою, оказались заимствованными из соседних реально засвидетельствованных языков. Большое число слов проникло в диалекты карпатского ареала из албанского языка через восточно-романское посредство, что может свидетельствовать об участии раннеалбанского этноса в формировании карпатской лексики [41].

2. На картах ОҚДА можно проследить территориальное распределение разновременных заимствований одного и того же элемента словаря, определить зоны лингвоэтнических контактов, центры иррадиации лексико-семантических явлений. В изучаемом ареале в качестве обозначения одной и той же реалии нередко фиксируются собственно славянское слово и соответствующий ему румынский или венгерский славизм. Из карпато-украинских диалектов слово заимствуется в венгерский, румынский, откуда оно в трансформированном виде возвращается в славянские диалекты. Это явление перекрестных, многоступенчатых заимствований можно проиллюстрировать на примере слав. *gręda(+grvda, карта 5), которое на этой территории выступает в форме слав. 'hgrada, 'hreda, венг. gęrenda и рум. 'grindy, 'grindę (карты 7, 8). Венгерский славизм проникает из карп.-укр. область, где вытесняет из употребления исконное слово в значении 'продольная балка под потолком'. Таким образом, на небольшой территории в функции строительного термина отмечены три слова: одно исконно славянское и два славянских заимствования. Изучение фактов

миграции слова помогает вскрыть внутреннюю динамику языковых, культурных, этнических отношений.

3. Карты ОҚДА построены по типу аналитических карт. Во многих отношениях обогащает и углубляет понимание языковой ситуации карпато-балканского региона сравнительно-сопоставительный анализ карт. По распределению изоглосс в отдельных точках этого региона можно составить представление о системе лексико-семантических отношений того или иного говора. Как показывают карты 14, 15, в населенных пунктах Ореховица (п. 96), Ужок (п. 83), Порошково (п. 98) в значении 'пол из досок' употребляется слово *dy'la*, а в значении 'пол из бревен в хозяйственном помещении, в хлеву' используется другое слово — *po'de*, в венгерском селении Вышков (п. 106) в первом значении зафиксированы *pid'loha*, *pod'laha*, *pod'loga*, во втором — *m'ist*, *m'ist*, *must*, а в Ясинях (п. 88) в том и другом значении выступают *m'ist*, *m'ist*. При сравнении изоглосс, проходящих через населенные пункты Турье (п. 63), Лосинец (п. 64) на картах 17, 18, нетрудно заметить, что в говоре с. Лосинец имеются разные слова для обозначения лестницы-стремянки и яслей решетчатых для рогатого скота — *dra'bina* и *jasla*, а в ближайшем говоре с. Турье в том и другом значении функционирует слово *dra'bina*. Число таких примеров легко умножить.

4. ОҚДА в наиболее полном и систематизированном виде представляет лексику, характерную для этого ареала. Отличительные особенности карпатского словаря проявляются на славянском фоне. По нашим наблюдениям, в составе славянской лексики нет таких элементов, которые были бы ограничены карпато-балканской областью. Только через сравнительно-сопоставительное изучение лексики можно понять особенности семантики, строения слов, отнесенных к разряду карпатизмов. Возьмем для примера слово +xvža (карта 1), достаточно широко распространенное за пределами карпатского ареала. Праслав. *xvža образовано суф. -ja от *xuzь/*xуza, являющегося заимствованием герм. *husa- [12, вып. 8, с. 165]. В географическом распределении слав. *xuzь/*xуza и *xvža наблюдается одна интересная особенность. Изоглоссы этих слов частично находятся в отношении дополнительного распределения: *xvža тяготеет к Карпатской зоне, однако эта зона не входит в ареал слав. *xuzь/*xуza. Другой пример дает карта 2, посвященная семантике слова +kuša. Этимологически это — производное с суф. -ja от праслав. *kčьь 'угол', первонач. — 'место у очага в углу'. Следы древнего значения сохранились в диалектах южных и восточных славян [12, вып. 12, с. 71—74]. Карп.-укр. +kuša, являющееся обозначением бедного дома, помещения для свиней, овец и домашней птицы, семантически весьма удалено от славянских соответствий, отражающих